

Юридические исследования*Правильная ссылка на статью:*

Чекулаев Д.П. Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего // Юридические исследования. 2025. № 11. DOI: 10.25136/2409-7136.2025.11.76770 EDN: KDRZOQ URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=76770

Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего**Чекулаев Дмитрий Петрович**

ORCID: 0009-0008-2532-4497

кандидат юридических наук

доцент, кафедра уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора; Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования "Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова" (МГУ имени М.В. Ломоносова)

119071, Россия, г. Москва, Ленинский пр-кт, д. 31 к. 1 стр. 13

 dm_ch@inbox.ru[Статья из рубрики "Уголовный закон и правопорядок "](#)**DOI:**

10.25136/2409-7136.2025.11.76770

EDN:

KDRZOQ

Дата направления статьи в редакцию:

14-11-2025

Аннотация: В статье анализируются отдельные проблемы доктринального и практического характера, возникшие в результате закрепления в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, законодательстве о воинской обязанности и военной службе, мобилизационном законодательстве, порядка заключения контракта о прохождении военной службы с обвиняемыми в период мобилизации, военного положения и военное время. Исследуется новая, ранее неизвестная российскому законодательству процедура депенализации, в основе которой лежат публичные интересы – расширение круга лиц, привлекаемых на добровольной (квазидобровольной) основе к участию в боевых действиях в составе Вооруженных Сил России. Этот порядок имеет существенные отличия от общих подходов к основаниям и процедуре принятия решений об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности в мирное время. Данный феномен (процедура освобождения обвиняемого от уголовной ответственности в

особые периоды или время) требует глубокого научного осмысления. Через призму прав потерпевшего исследуются правоотношения, возникающие в связи с применением нового порядка освобождения от уголовной ответственности обвиняемых, возможный конфликт между публичными и частными интересами (интересами потерпевшего), в результате применения этого порядка. Высказывается мнение о необходимости дальнейшего комплексного, межотраслевого (уголовного, уголовно-процессуального, криминологического) изучения феномена освобождения от уголовной ответственности широкого круга обвиняемых, особенно в совершении тяжких и особо тяжких преступлений против жизни и здоровья, против собственности, без учета мнения потерпевших от таких преступлений. Предлагается ограничить допустимость применения такого порядка в отношении подозреваемых и обвиняемых, сохранив его только для осуждённых с возможностью применения уголовно-правового института отсрочки от исполнения наказания в случае заключения соответствующего контракта о прохождении военной службы. Также предлагается расширить перечень преступлений, обвиняемые в совершении которых не могут заключить соответствующий контракт с командованием воинской части. В качестве дополнительной гарантии обеспечения предусмотренного ст. 52 Конституции РФ права потерпевшего на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба предлагается создание фонда помощи потерпевшим от преступлений, расследование которых приостановлено в публичных интересах, обусловленных заключением контракта о прохождении военной службы с обвиняемым в особые периоды или время.

Ключевые слова:

потерпевший, реализация конституционных прав, фонд помощи потерпевшим, обвиняемый, прекращение уголовного дела, уголовная ответственность, нереабилитирующее основание, военное положение, специальная военная операция, особый период

Введение. Постановка проблемы

Возможность прекращения уголовного дела по так называемым «нереабилитирующими» основаниям в современном уголовном процессе, несмотря на имеющиеся дискуссии 1970-2000-х г.г. [\[1, с. 30–36\]](#), не вызывает обширной научной критики. Высказывания учёных о совершенствовании применимой в рамках этой процедуры терминологии [\[2, с. 41–51; 3, с. 395–442; 4, с. 27–30\]](#), о необходимости исключительно судебного порядка принятия таких решений [\[2, с. 431, 442; 5, с. 59; 6, с. 42\]](#), не ставят под сомнение целесообразность существования данного института.

Прекращение уголовного дела современными учёными – специалистами в области уголовного права и уголовного процесса рассматривается не только «как правовой механизм реализации принципа экономии уголовной репрессии, но и как правовая основа для допустимого компромисса в борьбе с отдельными видами преступлений» [\[7, с. 7–8\]](#). Такое решение имеет важное значение для достижения целей уголовного судопроизводства, дифференцируя и индивидуализируя уголовную ответственность лиц, обоснованно подвергнутых уголовному преследованию, допускает упрощение правосудия в отношении них [\[8, с. 487\]](#). По мнению авторов проблемного Курса уголовного права Российской Федерации, нравственную и криминологическую основу

института освобождения от уголовной ответственности составляют возможность социального восстановления поведения уголовного правонарушителя в рамках должного правопорядка без реализации уголовной ответственности и применения мер, её выражающих [\[9, с. 334\]](#).

При этом обязательная «вовлеченность» потерпевшего в процессуальный механизм прекращения уголовного дела (преследования) в связи с примирением сторон согласно ст. 76 УК РФ и ст. 25 УПК РФ, при наличии предусмотренного п. 18 ч. 2 ст. 42 УПК РФ права потерпевшего на обжалование принятого на стадии предварительного расследования решения о прекращении уголовного дела по любым иным основаниям, на современном этапе развития нашего государства можно признать удовлетворительной.

Однако вскоре после объявления 24 февраля 2022 г. Президентом России о начале специальной военной операции (СВО) начались поиски механизма привлечения осуждённых, а затем и подозреваемых, обвиняемых, к участию в боевых действиях с последующим освобождением их от уголовной ответственности. Определяясь в терминологии уточняем, что в настоящей статье (если прямо не оговорено иное) под обвиняемым – участником СВО, понимаются подозреваемые, обвиняемые, подсудимые, осуждённые (до вступления приговора в законную силу), призванные на военную службу либо заключившие в период действия особых правовых режимов или время контракт о прохождении военной службы в случаях и порядке, предусмотренных ст. 78¹ УК РФ. При этом термин СВО используется с учетом текущего военно-политического состояния нашего государства, хотя в действующем уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве обоснованно используются более универсальные формулировки – период мобилизации, военного положения или военное время (в настоящей статье – особые периоды или время).

Представляется, что итогом новелл последних лет относительно привлечения обвиняемых к участию в СВО является депенализация в её классическом понимании [\[10, с. 534–539\]](#). При этом депенализация чрезвычайно широкая – возможна в отношении любого преступления, за исключением указанных в ч. 1 ст. 78¹ УК РФ. Отличительной чертой также является её распространение только на тех обвиняемых (в широком смысле этого термина, применяемого настоящей статье), которые заключили в особые периоды или время контракт о прохождении военной службы, без анализа мотивов заключения контракта, наличия раскаяния, действий по возмещению вреда, иного положительного постпреступного поведения, указывающего на возможное снижение общественной опасности таких лиц.

Данные решения принимаются не только без учета криминологических последствий, но и гарантированных на конституционном уровне (ст. 52 Конституции РФ) прав потерпевших. Игнорируются и рекомендации авторитетных актов международного права об обязательном предоставлении потерпевшему права на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством, в том числе принятой Генеральной Ассамблеей ООН 29 ноября 1985 года Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью. Кроме того, можно поставить вопрос о достижении в таком случае целей наказания (ст. 43 УК РФ), как социальный результат, к которому стремится государство, устанавливая и применяя уголовное наказание к лицам, виновным в совершении преступления [\[9, с. 130\]](#).

Авторитетный российский учёный профессор Л. В. Головко отмечает, что идет речь о

столкновении двух разнонаправленных векторов публичного интереса: один из них ориентирован на обеспечение интересов расследования и правосудия при совершении общественно опасного деяния, а другой – на достижение стоящих перед Вооруженными Силами РФ задач по защите суверенитета и территориальной целостности государства (задач СВО) [\[11, с. 10\]](#). Представляется, что в современном уголовном процессе начинает формироваться новый особый порядок производства по уголовным делам, связанным с заключением контракта о прохождении военной службы в особые периоды или время. И этот порядок имеет существенные отличия от общих подходов к основаниям и процедуре принятия решений об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности в мирное время. Данный феномен требует глубокого научного осмысления.

Привлечение осуждённых к участию в боевых действиях на первоначальном этапе СВО

В начале лета 2022 г. без какого-либо четкого законодательного регулирования получило распространение привлечение граждан к участию в военных действиях в рамках частных военных компаний, в основном ЧВК «Вагнер», в рамках некоего «Проекта К». В случае, если контракты с ЧВК заключались осуждёнными, они направлялись из мест лишения свободы в боевые подразделения ЧВК и, по истечении срока контракта (обычно – 6 месяцев), имели право на помилование Президентом России. По данным Д.С. Гребенского, через данную программу прошли примерно 78 000 бойцов, из них примерно 49 000 человек из числа осуждённых, отбывавших наказания в местах лишения свободы [\[12, с. 21\]](#).

Отношение потерпевшего к подобного рода изменению приговора суда во внесудебном порядке не учитывалось вовсе. Потерпевшие также не получали информацию о месте нахождения осуждённого и изменении его статуса в порядке, предусмотренном п. 21¹ ч. 2 ст. 42 УПК РФ. Так, автором опрошено 12 потерпевших по 9 уголовным делам, 14 осуждённых по которым (как стало известно в последующем) заключили контракты с ЧВК в 2022 г. – начале 2023 г. Ни один из опрошенных потерпевших о перемещении осуждённого из места лишения свободы, о временном освобождении из места лишения свободы, о помиловании осуждённого как факте завершения уголовно-исполнительной деятельности, информации не получил.

Акты о помиловании участников СВО не публиковались и количество лиц, которые были помилованы Президентом России в указанном порядке неизвестно. Но в любом случае, даже без «призмы интересов потерпевшего», применение конституционного института президентской власти – помилования в отношении лиц «по списку», в отсутствие необходимой в таких случаях индивидуализации, является нонсенсом.

В связи с явными пробелами правового регулирования процедуры привлечения к участию в военных действиях лиц, имеющих конфликт с уголовным законом, более чем через год после начала СВО принят Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции», который без внесения изменений в иное законодательство, в том числе уголовное и уголовно-процессуальное, предусмотрел ряд особенностей и условия для освобождения от уголовной ответственности некоторых категорий подозреваемых, обвиняемых и осуждённых, привлекаемых к участию в СВО. Принятие этого закона вызвало широкое обсуждение и справедливую критику со стороны значительной части специалистов в области уголовного и уголовно-процессуального права [\[13, с. 102-105; 14, с. 26-28; 15, с. 70-72\]](#). К сожалению, критика

научного сообщества была направлена, в основном, на применение законодателем весьма странного «формата» регулирования вопросов уголовной ответственности отдельным законом без одновременного внесения необходимых в таком случае изменений в специальные кодифицированные правовые акты (УК и УПК соответственно), а не в связи с отсутствием упоминания в нём о каких-либо прав потерпевших. Однако данная критика не являлась препятствием для научного определения предлагаемых федеральным законом № 270-ФЗ механизмов как одного из специальных видов освобождения от уголовной ответственности [\[9, с. 352\]](#). При этом отметим, что по данным редакции журнала «Уголовный процесс», на дату подписания в печать номера 11 за ноябрь 2023 г. «удалось найти два судебных решения, в которых упоминается Закон № 270-ФЗ» [\[16, с. 23\]](#). То есть практика его применения не была массовой, в том числе в силу означенных выше причин доктринального и нормативного характера.

Действующее правовое регулирование привлечения обвиняемых к участию в боевых действиях

Практика применения автономного от УК РФ и УПК РФ Федерального закона № 270-ФЗ была явно неудачной, в связи с чем процедура привлечения к участию в СВО подозреваемых, обвиняемых, а затем и осуждённых, вновь подверглась изменениям на законодательном уровне. С учетом высказанной научным сообществом критики действующего с июня 2023 г. механизма освобождения от уголовной ответственности в порядке, установленном автономным Федеральным законом № 270-ФЗ, приняты соответствующие Федеральные законы от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ и от 02 октября 2024 г. № 340-ФЗ, которыми внесены масштабные изменения и дополнения в уголовный (ст. 78¹, ст. 80², ч. 3¹ ст. 86) и уголовно-процессуальный (ст. 28², ч. 1 и 2 ст. 110, ч. 1¹ ст. 119, п. 3¹ ч. 1 и ч. 9 ст. 208, п. 5 ч. 1 и ч. 4 ст. 238, ч. 1 и 4 ст. 239, ч. 3¹ ст. 253, п. 3 ч. 1 ст. 254, ст. 389⁷, ч. 5 ст. 389¹¹, ч. 2¹ ст. 389¹³, ч. 2¹ ст. 389²⁶) кодексы. Также принят Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 61-ФЗ, которым внесены согласованные с Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ изменения в Федеральный закон от 26 февраля 1997 № 31-ФЗ «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации» и от 28 марта 1998 года № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» с одновременным признанием утратившим силу Федерального закона № 270-ФЗ.

Однако «гладко стало на бумаге», и то только на первый взгляд. Удалось ли законодателю обойти острые доктринальные и правовые, а также социальные «овраги», связанные с приостановлением, а затем и возможным отказом государства от права уголовного преследования некоторых категорий граждан, заключивших контракт о прохождении военной службы в период действия особых правовых режимов или время? Представляется, что нет. И одним из препятствий является абсолютное игнорирование при принятии таких решений интересов весьма многочисленной группы граждан – потерпевших.

Современные правопорядки отрицают право потерпевшего на месть, наказание – публично-правовая функция, право на наказание и обязанность доказать преступление остается за государством, а не за потерпевшим [\[17, с. 36\]](#). В свою очередь государство должно обеспечить доступ такого лица к правосудию, которое в широком смысле в уголовном процессе включает в себя не только деятельность суда, но и деятельность органов предварительного расследования, а также прокурора, к которым потерпевший вправе (а скорее всего с учетом публичности уголовного процесса) и должен обратиться для защиты и восстановления своих прав и интересов, нарушенных преступлением.

Данное понятие включает в себя также право потерпевшего изложить свою позицию по вопросам уголовного преследования и требовать от компетентных должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, учитывать эту позицию при принятии итоговых и иных решений по уголовному делу на соответствующих стадиях уголовного процесса [\[18, с. 263; 19, с. 114\]](#).

К сожалению, в случае заключения обвиняемым контракта с органом военного управления о прохождении военной службы в указанные в ст. 78¹ УК РФ особые периоды или время, потерпевший и *de jure* и *de facto* такого права лишен. При этом решение о заключении контракта принимается не только без учета мнения потерпевшего, но и без всякого участия дознавателя, следователя, прокурора, суда.

Отметим, что порядок взаимодействия командования воинских частей (учреждений) и органов расследования, судов по вопросам прекращения уголовного дела или уголовного преследования подозреваемых, обвиняемых и подсудимых соответственно, регулируется подзаконными актами, что предусмотрено ч. 4 ст. 28², ч. 9 ст. 208 УПК РФ, ст. 21¹ Федерального закона «О мобилизационной подготовке и мобилизации в Российской Федерации», п. 5³ ст. 34 Федерального закона «О воинской обязанности и военной службе». Таким образом, хотя и в ограниченной части, процессуальная деятельность регулируется неопубликованными подзаконными актами, к тому же имеющими гриф «для служебного пользования» (например – приказом Министерства обороны РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 17 октября 2024 г. № 622дсп/233дсп). Соответственно этот порядок неизвестен потерпевшему, но на него *ссылаются суды* (выделено мною – Д. Ч.) при вынесении соответствующих решений.

Более того – органы предварительного расследования или суд (в зависимости от стадии уголовного процесса) по поступлении ходатайства командования воинской части вправе проверить только его формальную сторону и, при соответствии закону, приостановить производство по уголовному делу. Именно таким путём идет и судебная практика.

Например, Первым апелляционным судом общей юрисдикции вынесено апелляционное постановление от 25 июля 2025 г. № 55-1205/2025 (УИД 500S0000-01-2025-000541-14), которым суд апелляционной инстанции отменил постановление Московского областного суда от 21 мая 2025 г. об отказе в удовлетворении ходатайства начальника пункта отбора на военную службу по контракту о приостановлении производства по уголовному делу и отмене меры пресечения в отношении подсудимого, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ст. 317, п. «в» ч. 3 ст. 222, п. «в» ч. 3 ст. 222¹ УК РФ. Мотивируя отказ в удовлетворении ходатайства органа комплектования войск Московский областной суд сослался на заключение комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы о наличии у обвиняемого параноидного расстройства личности, не исключающего вменяемости, и сделал вывод, что это расстройство может повлиять на его поведение в условиях стрессовых ситуаций, в связи с чем контракт о прохождении военной службы в Вооруженных Силах России для участия в специальной военной операции с ним заключен быть не может. Не соглашаясь с выводом суда первой инстанции апелляционный суд указал, что вместо проверки наличия или отсутствия формальных препятствий для удовлетворения ходатайства (относятся ли преступления к исключениям, предусмотренным ст. 78¹ УК РФ, подписано ли ходатайство уполномоченным должностным лицом, приложены ли к нему необходимые документы в соответствии с совместным приказом Минобороны РФ и Судебного департамента при Верховном Суде РФ №№ 622/233 от 17 октября 2024 г. (выделено мною – Д. Ч.)) судья

вышел за предмет рассмотрения ходатайства, дал оценку и разрешил вопрос о целесообразности заключения с подсудимым контракта о прохождении военной службы, что относится к компетенции комиссии военного комиссариата. Суд апелляционной инстанции посчитал возможным устраниТЬ эти нарушения в апелляционном порядке с вынесением нового судебного решения, которым постановление Московского областного суда отменил, производство по уголовному делу в отношении обвиняемого приостановил на основании п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ, меру пресечения отменил.

Как обоснованно отмечает А. Ю. Чекотков, созданием одинаковых условий для приостановления производства по делу в отношении всех желающих участвовать в СВО (обвиняемые в досудебном производстве, подсудимые, осуждённые до вступления приговора в силу) безусловно достигается цель скорейшего попадания последних в войска, «однако рациональность такого подхода вызывает сомнение, особенно если речь идет о рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции, которое, как правило, занимает одно или два судебных заседания» [\[20, с. 95\]](#)

Органы расследования и даже суд превращаются фактически в «регистратора» составленного органом военного командования «по форме» ходатайства с вынесением единственного возможного решения по результатам его рассмотрения. Как отмечается в литературе, «из смысла закона следует, что предметом рассматриваемого судом вопроса при разрешении ходатайства командования воинской части (учреждения) являются только формальные требования» [\[21, с. 27\]](#). Такой подход законодателя, не в полной мере отвечающий положению суда как независимого органа власти с собственной компетенцией в системе разделения властей, поддерживается Пленумом Верховного Суда РФ, некоторыми известными российскими учёными-процессуалистами.

Так, согласно изложенным в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. № 39 рекомендациям следует, что положения п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК РФ закрепляют гарантии обязательного приостановления уголовного преследования в отношении подозреваемого, обвиняемого на стадии предварительного расследования при наличии соответствующих оснований и не допускают в этих случаях составления следователем, дознавателем обвинительного документа. Предварительное расследование приостанавливается на основании соответствующего ходатайства командования воинской части (учреждения), если отсутствуют предусмотренные законом препятствия для его удовлетворения.

Как отмечает заместитель Председателя Верховного Суда РФ – председатель судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ В. А. Давыдов, предметом производства является лишь проверка полномочий лица, обратившегося с ходатайством, и проверка постатейного запрета, исключающего возможность применения предусмотренных ст. 78¹ УК РФ положений. В удовлетворении ходатайства не может быть отказано по мотивам тяжести, общественной опасности преступления, запланированного с участием подсудимого большого объема судебных действий и тому подобное [\[22, с. 28\]](#).

Комментируя изложенную в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. рекомендацию профессор Л. В. Головко отмечает: «Другими словами, при поступлении ходатайства командования воинской части уголовное дело подлежат обязательному (выделено автором цитируемого текста – Л. Г.) приостановлению, иное должно расцениваться как нарушение уголовно-процессуального закона и повлечь возвращение судом уголовного дела (если оно туда передано) прокурору» [\[11, с. 10\]](#). В выделении уголовного дела в отношении обвиняемого, заключившего контракт о

прохождении военной службы в особые периоды, нет ничего неординарного и специфического, в таком случае должен применяться обычный, как и по другим предусмотренным законом основаниям, порядок выделения и последующего приостановления уголовного дела, когда, например, один из обвиняемых скрывается или находится за границей [\[17, с. 37\]](#).

Полагаю, что обоснованность таких подходов вызывает сомнение, если посмотреть на текущее правовое регулирование через призму интересов установления истины по делу (интересов правосудия), интересов потерпевших, а также значительной части общества, опасающегося рецидива преступности и её роста. И так ли проста проблема выделения и последующего приостановления (причем срочного, оперативного) уголовного дела в отношении указанных категорий обвиняемых? Когда обвиняемый скрылся и производство следственных действий с его участием невозможно, решение о выделении уголовного дела принимается следователем по собственному усмотрению исходя из избранной им тактики расследования. В случае же выделения уголовного дела после его приостановления по предусмотренному п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК РФ основанию, орган расследования *de facto* отказывается от собирания некоторых доказательств (например, с участием обвиняемого после заключения им контракта) при очевидной наличии такой возможности. Как отмечается в литературе, «в большинстве случаев на практике такое раздельное расследование уголовных дел сопровождается сложностями в доказывании роли каждого из соучастников, пользуясь ситуацией некоторых из которых пытаются переложить наиболее активную роль на участника СВО» [\[23, с. 47-48\]](#).

Возникает вопрос, на который можно ответить лишь риторически: какова природа таких решений, когда властный участник уголовного процесса (дознаватель, следователь), и даже суд (выделено мною – Д. Ч.) не имеет возможности отказать в удовлетворении ходатайства командования воинской части по иным, кроме как формальным мотивам? И в данном случае какие приоритеты определил законодатель: правильное разрешение уголовного дела или интерес военного ведомства в пополнении личного состава вооруженных сил? К сожалению, ответы очевидны. Но несмотря на их очевидность, хотелось бы усомниться в правильности предложенного законодателем механизма пополнения личного состава боевых подразделений вооруженных сил за счет соответствующей категории обвиняемых, поставив «на стоп» процессуальную деятельность по выяснению всех обстоятельств, имеющих значение для дела.

Правовые и возможные криминологические проблемы, связанные с реализацией действующего порядка привлечения обвиняемых к участию в СВО

Во-первых, вызывает сомнение допустимость с точки зрения интересов правосудия заключения контракта с подозреваемым и обвиняемым на стадии предварительного расследования или с подсудимыми на судебных стадиях уголовного процесса. Впервые в российской истории решения о приостановлении производства по делу принимаются в столь массовом порядке в отношении лиц, в силу закрепленной в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ и ч. 1 ст. 14 УПК РФ презумпции считающихся невиновными. Отметим, что ссылки в таком случае на опыт Великой Отечественной войны вряд ли применим, так как решения о направлении в действующую армию принимались в основном в отношении осуждённых, правовой статус которых как виновных в совершении преступления был уже определен приговором суда [о законодательстве этого периода см.: 12, с. 18-20; 24, с. 100-103; 25, с. 15-16].

Именно так с правовой стороны вопроса вспоминали прошедшие события их очевидцы,

например, известный советский адвокат С. Л. Ария. Будучи старшим сержантом, механиком-водителем танка, зимой 1942–1943 г.г. он был осуждён приговором военного трибунала (заседание длилось пятнадцать минут) за якобы халатное обращение с боевой машиной к семи годам исправительно-трудовых лагерей, с отсрочкой исполнения приговора до окончания военных действий, направлен для дальнейшего прохождения службы в штрафную роту. После трех недель его участия в боях в составе штрафного подразделения (за это время погибла треть личного состава штрафного взвода, в отношении троих из оставшихся в живых наиболее отличившихся в боях военнослужащих командованием было подано представление о снятии судимости), «За мужество и отвагу, проявленные в борьбе с фашистскими оккупантами», определением военного трибунала с осуждённого С. Л. Ария судимость была снята [\[26, с. 353–377\]](#).

Не касаясь полноты расследования, законности и обоснованности приговора, в описанном случае правовым основанием для направления в боевые части осуждённого (выделено мною – Д. Ч.) старшего сержанта С. Л. Ария для прохождения военной службы в штрафном подразделении являлось примечание 2 к ст. 28 УК РСФСР 1926 г., согласно которому: Приговор, присуждающий в военное время военнослужащего к лишению свободы без поражения прав, может быть по определению суда, вынесшего приговор, отсрочен исполнением до окончания военных действий с тем, что осуждённый направляется в действующую армию. В отношении указанных в первой части настоящего примечания военнослужащих, проявивших себя в составе действующей армии стойкими защитниками Союза С.С.Р., допускается по ходатайству соответствующего военного начальства освобождение от назначенной ранее меры социальной защиты либо замена ее более мягкой мерой социальной защиты по определению суда, вынесшего приговор.

К сожалению, современный законодатель существенно расширил круг лиц, в отношении которых «в перспективе», по предусмотренным п. «а», «б» ч. 1 ст. 78¹ УК РФ основаниям возможно применение нового порядка освобождения от уголовной ответственности, распространив его на подозреваемых и обвиняемых. Вероятно, по этой причине заключение контракта о прохождении военной службы в особые правовые периоды или время в качестве основания для применения института отсрочки от отбывания наказания (которое для подозреваемого, обвиняемого не может быть определено) в действующем уголовном законе (ст. 82 УК РФ) отсутствует.

Во-вторых, предусмотренный ч. 1 ст. 78¹ УК РФ список исключения из общего перечня тех преступлений, обвиняемые в совершении которых могут не быть освобождены от уголовной ответственности, представляется не проработанным с криминологической точки зрения. Возможные причины роста преступности в период и, особенно, по окончании СВО, в том числе вследствие неизбирательного характера освобождения от уголовной ответственности обвиняемых и имевшего место широкого помилования осуждённых, подробно рассмотрены А. В. Масловым [\[24, с. 103–116\]](#). К сожалению, в Пояснительной записке к законопроекту № 569651-8, ставшему в последующем Федеральным законом от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ, о таких исследованиях ничего не сказано. Пояснительная записка, с содержанием которой можно ознакомиться на официальном сайте Государственной Думы ФС РФ <https://sozd.duma.gov.ru/bill/569651-8>, весьма лапидарна (общим объемом около 1,5 тыс. знаков или около 1 листа текста формата А4), не содержит какого-либо научного и/или иного обоснования необходимости принятия законопроекта, кроме указания, что он не потребует дополнительных расходов федерального бюджета. В любом случае, обоснованность не включения в этот «исключающий перечень» большинства особо тяжких преступлений против жизни и здоровья (например, ч. 3 и 4 ст. 111, а также ч. 1 и 2 ст. 105 и

специальных видов этого преступления – ст. 295, ст. 317 УК РФ), против собственности (например, ч. 3 и 4 ст. 162, ч. 3 ст. 163 УК РФ), то есть по которым потерпевший или лицо, к которому перешли права потерпевшего в порядке ч. 8 ст. 42 УПК РФ, не могут отсутствовать в уголовном деле, вызывает сомнение.

Возможно, такие сомнения смогут быть опровергнуты сочетанием двух факторов: с одной стороны, показателями эффективности применения в зоне боевых действий осуждённых в совершении тяжких насильственных преступлений и, с другой, низким уровнем повторного совершения ими преступлений по окончании особого периода и увольнения с военной службы. При оценке эффективности участия обвиняемых в современных вооруженных конфликтах профессиональных армий, что требует адекватного уровня физической, психологической, военно-технической подготовки и слаженности действий военнослужащих, вероятно необходимо будет учитывать очевидные сложности поддержания воинской дисциплины в соответствующих подразделениях и осуществления иного контроля за поведением этой категории военнослужащих командованием воинской части согласно требованиям ч. 2 ст. 78² УК РФ. Очевидно, что необходимость такого контроля требует привлечения дополнительных людских и материально-технических ресурсов со стороны командования. В настоящее время по понятным военно-политическим причинам, необходимости сохранения в тайне сведений об участниках СВО, объективные и претендующие на полноту выборок исследования такого рода провести вряд ли возможно.

Однако отметим, что примеры повторного совершения преступлений участниками СВО широко освещаются не только в средствах массовой информации (журналистов еще можно подозревать в ангажированности или погоне за сенсацией), но и заслуживающей внимания специальной литературе [см., напр.: 27, с. 40-41]. В такой ситуации потерпевшему, конечно, небезразлично – будет ли обвиняемый освобождён от наказания, хотя бы и после наступления установленных законом (п. «а» и «б» ч. 1 ст. 78¹ УК РФ) обстоятельств. В любом случае потерпевший должен извещаться об изменении процессуального статуса лица, причинившего ему вред, привлечение которого к уголовной ответственности было начато, но затем приостановлено, а в последующем возможно будет и прекращено.

В-третьих, не предусмотрено дополнительное, в том числе с необходимым государственным участием, регулирование вопросов возмещения вреда потерпевшим, которое в случае заключения обвиняемым контракта о прохождении военной службы в военное время по смыслу действующего законодательства зависит исключительно от последующей процессуальной активности потерпевшего и в силу ряда причин «откладывается» на неопределенный период. Так, все вопросы, связанные с возмещением вреда, законодатель предлагает потерпевшему решать в порядке гражданского судопроизводства, да еще и в пределах общего срока давности, который установлен гражданским законом.

Как правомерно отмечается в литературе, правовое значение гражданского иска трудно переоценить, поскольку он представляет собой важнейший и наиболее эффективный способ восстановления нарушенных преступлением свобод, позволяющий пострадавшему получить скорейший доступ к правосудию [28, с. 147]. Право на предъявление гражданского иска следует рассматривать как безусловную льготу или своего рода локальную компенсацию потерпевшему, которого государство не смогло защитить от преступления. Уголовно-процессуальная форма защиты прав потерпевшего несомненно предпочтительнее гражданской процессуальной формы [18, с. 312]. Такой иск

некоторыми авторами именуется привилегированным, так как «возможность заявления исковых требований непосредственно в рамках уголовного судопроизводства, безусловно, является значимой гарантией для потерпевшего, поскольку упрощает для него доступ к правосудию, тем самым избавляя лицо от необходимости повторного участия в гражданском процессе» [\[29, с. 295\]](#).

Однако в формирующемся новом особом порядке производства по уголовным делам, связанным с заключением контракта о прохождении военной службы в военное время, потерпевший в большинстве случаев остаётся без тех дополнительных гарантий, на которые он вправе рассчитывать при рассмотрении гражданского иска совместно с уголовным делом в общем порядке уголовного судопроизводства, к которым можно отнести: отсутствие строгих формальных требований к исковому заявлению и срока давности для удовлетворения судом таких требований (в случае подачи гражданского иска в уголовном деле в установленные ч. 2 ст. 44 УПК РФ порядке и сроки); отсутствие обязанности по уплате государственной пошлины как за подачу гражданского иска, так и при обжаловании решений суда; возможность наложения ареста на имущество обвиняемого и принятие других мер для обеспечения заявленного в уголовном деле гражданского иска; использование в доказывании по иску доказательств, собранных дознавателем, следователем в ходе предварительного расследования; иные льготные для потерпевшего особенности участия гражданского истца в уголовном деле и, особенно, в судебном разбирательстве в суде первой инстанции, имеющего возможность воспользоваться процессуальной поддержкой профессионального участника со стороны обвинения – государственного обвинителя. В случае же предъявления потерпевшим иска в суд общей юрисдикции по правилам гражданского процесса, он не сможет опираться на установленные приговором суда (в связи отсутствием такового) преюдициальные обстоятельства, а также воспользоваться некоторыми специфичными именно для уголовного процесса правами, предоставленными гражданскому истцу согласно ч. 4 ст. 44 УПК РФ. Отсутствует в таком деле и прокурор, который при обычном течении уголовного процесса вправе как самостоятельно предъявить гражданский иск, так и поддержать гражданский иск потерпевшего (ч. 6 ст. 246 УПК РФ). Кроме того, производство по такому автономному от уголовного гражданскому делу будет скорее всего приостановлено в соответствии с абз. четвертым ст. 215 ГПК РФ, согласно которому суд обязан приостановить производство по делу в случае участия гражданина (в нашем случае ответчика) в боевых действиях в составе Вооруженных Сил РФ.

Профессор Л. В. Головко видит подмену тезиса в случаях, когда идет речь о правах потерпевшего на возмещение вреда: «на самом деле потерпевший здесь ничего не теряет. Более того у потерпевшего остаётся право подавать иск в порядке гражданского судопроизводства, взыскать ущерб и вред с осуждённого, который в случае отправки его на линию боестолкновения, если останется жив, получит доход значительно выше, нежели осуждённый в колонии. ... Сейчас, когда какая-то часть нашего населения вообще оказалась в оккупации, мы продолжаем обсуждать, как фундаментальную, проблему прав потерпевших, которые недополучили какие-то компенсации?» [\[17, с. 36\]](#).

По мнению почетного адвоката России А. А. Куприянова, положения об освобождении участника СВО от обязанности понести наказание за совершенное преступление, а также от обязанности возместить вред другому лицу или погасить долг справедливы, так как «причинитель вреда – участник СВО – повседневно рискует своей жизнью и здоровьем ... реально отдает и то и другое за Россию, а значит за каждого из её граждан, в том числе за своих кредиторов» [\[30, с. 8\]](#).

Позволю себе не согласиться с высказанными точками зрения. Возможно, вопрос о возмещении вреда потерпевшему не может являться единственным условием для принятия решения о заключении контракта с обвиняемым в военное время. Но, так как решение о заключении контракта принимается в интересах государства и всех его граждан (некоторые из которых являются потерпевшими от конкретного преступления), необходим механизм «облегченной компенсации» вреда таким потерпевшими. В противном случае, следуя логике профессора Л. В. Головко, мы качаем «маятник фундаментальных ценностей» уже в другую сторону и игнорируем интересы части граждан России, которые только гипотетически (если и когда судом будет удовлетворен иск к обвиняемому, если обвиняемый останется жив, и тому подобное) могут рассчитывать на гарантированное Конституцией РФ возмещение вреда в неопределенном по времени «будущем».

Представляется, что и не все потерпевшие – граждане России будут согласны с приведённым утверждением адвоката А. А. Куприянова. Тем более что в ходе нового особого порядка производства по соответствующей категории уголовных дел мнение потерпевшего не выясняется ни на одном из этапов принятия вначале служебно-военных (заключение обвиняемого контракта с органом военного управления), а затем и процессуальных решений. Не вполне понятно, считают ли справедливым такой подход и потерпевшие от преступления на территории нашей страны граждане (поданные) других государств, даже если допустить что обвиняемый воюет за всех граждан России и опосредованно «погашает» обязательства из причинения вреда преступлением конкретному гражданину России – потерпевшему от совершенного этим обвиняемым преступления.

Полагаю, что необходима разработка правового механизма, в соответствии с которым в случае приостановления уголовного дела по предусмотренным п. 3¹ ч. 1 ст. 208, п. 5 ч. 1, ч. 4 ст. 238 УПК РФ основаниям, потерпевший вправе рассчитывать на возмещение (возможно – частичное) причиненного преступлением вреда за счет иных, нежели средства обвиняемого, источников. Например, возможно создание фонда помощи потерпевшим, формирование которого может осуществляться за счёт части денежного содержания военнослужащих, которые будучи в статусе обвиняемых заключили контракт о прохождении военной службы в обозначенные в законе особые периоды. Возможно и формирование судебной практики, согласно которой добровольные крупные пожертвования в такой фонд со стороны обвиняемых (особенно в совершении преступлений, где нет потерпевших), производство в отношении которых ведется в общем порядке, будут учитываться как обязательное смягчающее наказание обстоятельство. В таком случае потерпевшие без обращения в суд в порядке гражданского судопроизводства смогут рассчитывать на скорое возмещение причиненного преступлением вреда, так как задержка в рассмотрении и вероятном удовлетворении его материальных претензий к обвиняемому возникла в связи с решением публичных задач.

Обоснованными выглядят также высказываемые в литературе предложения о необходимости учёта при принятии решения об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности характера и степени общественной опасности совершённого преступления, обстоятельств его совершения, факта возмещения (частичного или полного) ущерба потерпевшему. Исключение может быть сделано только для лиц, награжденных государственной наградой или получивших ранение, делающим его негодным к военной службе [\[26, с. 17\]](#).

Однако сводить все вопросы участия потерпевшего только к возмещению вреда в современных условиях неправильно. Как правильно отмечал Конституционный Суд РФ в постановлении от 08 декабря 2003 г. № 18-П, интересы потерпевшего в значительной степени связаны также с разрешением вопросов о доказанности обвинения, его объёме, применении уголовного закона и назначении наказания. По указанной причине необходимо скорректировать действующий механизм освобождения от уголовной ответственности обвиняемых, заключивших контракт о прохождении военной службы в особые правовые периоды или время, в том числе предусмотреть возможность отказа следователя или суда в удовлетворении соответствующего ходатайства командования воинской части о приостановлении предварительного расследования или производства по уголовному делу на судебных стадиях и продолжить расследование (рассмотрение) дела до вступления приговора в законную силу по мотивам необходимости, в том числе, доступа потерпевшего к правосудию.

Выводы и предложения

Анализ действующих уголовного и уголовно-процессуального кодексов (в редакции Федеральных законов от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ и от 02 октября 2024 г. № 340-ФЗ) позволяет сделать вывод, что формируется некий новый особый порядок производства по уголовным делам, который может применяться только в военное время. При этом термин «особый» используется в контексте части Четвертой УПК РФ, в которой предусмотрены несколько особых порядков производства по делам определенных категорий, в том числе, например, о назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа при освобождении от уголовной ответственности (глава 51¹).

Так, если смотреть на уголовный процесс через призму прав потерпевшего, то в настоящее время явно видны два порядка производства по уголовным делам: так называемый «общий», при котором у потерпевшего имеется возможность реализовать основанные на конституционном положении (ст. 52 Конституции РФ) о доступе к правосудию и компенсации причинённого ущерба права, а также реализовать иные предусмотренные ч. 2 ст. 42 УПК РФ права. Второй порядок – особый, который применяется в случае заключения обвиняемым контракта о прохождении военной службы в соответствующий особый период или время. В ходе такого производства решение следователя, дознавателя, суда о приостановлении, а затем и возможном прекращении уголовного преследования, принимается без какого-либо участия (учёта мнения) потерпевшего.

Отмеченные в статье проблемы, возможно, связаны с вынужденным поспешным внесением изменений в такие важнейшие для любого суверенного государства законы как уголовный и уголовно-процессуальный без предварительной разработки научно обоснованной концепции развития законодательства особых периодов. Для разработки такой концепции необходим также глубокий анализ статистических и иных данных (в том числе данных об общей динамике преступности; о количестве потерпевших и в процентном отношении возмещении им причиненного преступлением вреда по сравнению с предыдущими периодами; о количестве лиц, заключивших контракт о прохождении военной службы в предусмотренном законодательством особым порядке; о категориях преступлений, в совершении которых обвинялись эти лица; о лицах указанных категорий, уголовное преследование в отношении которых прекращено в предусмотренном ст. 28² УПК РФ порядке; рецидиве преступности среди этих лиц и тому подобное). Доступ к этим сведениям широкому кругу исследователей в настоящее время ограничен. В том числе, не подлежат распространению как общедоступные

статистические данные о количестве преступлений, уголовные дела о которых приостановлены по п. 3¹ ч. 1 ст. 208 УПК РФ (п. 3 приказа Генпрокурора России от 25 декабря 2024 г. № 946). Полные сведения о состоянии преступности в России, о количестве приостановленных с июня 2023 г. производств по уголовным делам по предусмотренным п. 3¹ ч. 1 ст. 208, п. 5 ч. 1 ст. 238 УПК РФ основаниям, категориям этих уголовных дел применительно к тяжести преступлений и конкретизации составов преступлений, станут возможными для анализа, а также публичной и объективной оценки его результатов вероятно только по окончании СВО.

Признавая необходимость наличия особенностей применения законодательства в период действия особых правовых режимов, к которым также относятся указанные в ч. 1 ст. 78¹ УК РФ периоды и время, представляется целесообразным существенная коррекция данного порядка, в том числе в объеме, необходимом для обеспечения прав потерпевшего. В настоящее же время необходимо вынести на широкое научно-практическое обсуждение следующие (но не исключительно) вопросы, связанные с привлечением обвиняемых к участию в СВО:

- 1 . Допустимость применения особого порядка в отношении подозреваемых и обвиняемых, изъявивших желание принять участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил России, либо же такой порядок предусмотреть только для осуждённых, с возможностью применения уголовно-правового института отсрочки от исполнения наказания в случае заключения ими соответствующего контракта о прохождении военной службы.
2. Перечень преступлений, подозреваемые, обвиняемые или осуждённые за совершение которых не могут заключить соответствующий контракт с командованием воинской части и, соответственно, воспользоваться правом на особый порядок.
- 3 . Возможный процессуальный механизм учёта мнения потерпевшего относительно применения особого порядка, необходимость извещения его о принимаемых по уголовному делу в рамках этого порядка решений и возможность их обжалования потерпевшим.
- 4 . Целесообразность предъявления иска прокурором в интересах потерпевшего от преступления в гражданском судопроизводстве (при наличии заявления последнего), либо вступление в дело прокурора для дачи заключения по таким делам в случаях, когда обвиняемый заключил контракт для прохождения военной службы в соответствующие периоды или время, производство по уголовному делу приостановлено и, по указанной причине, совместное рассмотрение гражданского иска с уголовным делом невозможно.
- 5 . Необходимость создания фонда помощи потерпевшим в случаях, когда их доступ к правосудию ограничивается в публичных интересах, например, в связи с приостановлением производства по уголовному делу по инициативе государственного органа.

Представляется, что результат обсуждения этих вопросов позволит совершенствовать российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, обеспечить универсальность его применения без ограничения важнейших процессуальных прав потерпевших в случае введения военного положения или иного особого правового режима.

Библиография

1. Химичева Г. П., Мичурина О. В., Химичева О. В. Окончание предварительного расследования прекращением уголовного дела: монография. Рязань : Узорочье, 2001. EDN: WCROPJ.
2. Головко Л. В. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Государство и право. 2000. № 6. С. 41–51.
3. Трусов А. И. Возбуждение и прекращение уголовного преследования: традиции и современность. В кн.: Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М. К. Треушникова. М. : Городец, 2005.
4. Сверчков В. В. Освобождение от уголовной ответственности, прекращение уголовного дела (преследования), отказ в его возбуждении: проблемы теории и практики. СПб. : Юридический центр, 2008. EDN: RYRVZF.
5. Петрухин И. Л. Теоретические основы реформы уголовного процесса в России: часть II. М. : Проспект, 2005.
6. Калугин А. Г. К вопросу о совершенствовании процессуального механизма освобождения от уголовной ответственности // Правовые проблемы российской государственности: Сб. статей. – Ч. 30 / под ред. М. К. Свиридова. Томск : Изд. Томск. университета, 2006. С. 37–42. EDN: VSRYFJ.
7. Аликперов Х. Д. Освобождение от уголовной ответственности. М. : МПСИ; ИПК РК Генпрокуратуры РФ; Воронеж : НПО "МОДЭК", 2001.
8. Уголовный процесс: проблемы теории и практики / под ред. А. В. Ендольцевой, О. В. Химичевой. М. : Юнити-Дана, 2019.
9. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 т. Т. 2 Книга 2 / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. и рук авт. кол. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2024.
10. Уголовное право Российской Федерации: проблемный курс для магистрантов и аспирантов : в 3 т. Т. 1 / под общ. ред. А. Н. Савенкова; науч. ред. и рук авт. кол. А. И. Чучаев. М. : Проспект, 2024.
11. Головко Л. В. Дискуссионные вопросы приостановления и прекращения уголовного преследования в отношении участников специальной военной операции // Научный вестник Омской академии МВД России. 2025. Т. 31. № 1 (96). С. 5-10. – DOI 10.24412/1999-625X-2025-196-5-10. EDN: DWBZQI.
12. Гребенский Д. С. История и развитие правового регулирования отношений, связанных с привлечением граждан, имеющих судимость, к участию в боевых действиях // Военное право. 2024. № 5 (87). С. 18–24. EDN: XGHZFL.
13. Загвоздкин Н. Н., Коршикова Е. О. Федеральный закон от 24 июня 2023 г. № 270-ФЗ "Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции": заметки на полях // Образование. Наука. Научные кадры. 2023. № 4. С. 101–106. – DOI 10.24412/2073-3305-2023-4-101-106. EDN: EOSRJB.
14. Головко Л. В. Применение закона об освобождении от уголовной ответственности участников СВО: законодательные вопросы // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 26–28. EDN: UZLBDA.
15. Лопашенко Н. А. Основные итоги реформирования уголовного законодательства в 2023 г. // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 1. С. 69–81. – DOI 10.34076/2410-2709-2024-139-1-69-81. EDN: NQBBYR.
16. Прекращение уголовного преследования в отношении участника СВО // Уголовный процесс. 2023. № 11. С. 22–25. EDN: WNXUIB.
17. Ответы на вопросы главного редактора журнала "Уголовный процесс" И.

Рамазанова, заведующего кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктора юридических наук, профессора Л. В. Головко // Уголовный процесс. 2025. № 2. С. 34–41. EDN: ICZHCH.

18. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головко. 4-е изд., испр. и доп. М. : Статут, 2025.

19. Чекулаев Д. П. Потерпевший: доступ к правосудию и компенсация причиненного ущерба. М. : Юрлитинформ, 2006. EDN: QWYQDD.

20. Чекотков А. Ю. Возможность уйти на СВО, не дожидаясь приговора: устранение пробела или изменение логики законодателя? // Закон. 2024. № 10. С. 93–96.

21. Кудрявцева А. И., Русман Г. С. Освобождение от уголовной ответственности участников СВО в суде по ходатайству командования воинской части // Уголовный процесс. 2025. № 3. С. 24–33. EDN: GBTNLW.

22. Ответы на вопросы главного редактора журнала "Уголовный процесс" И.

Рамазанова, заместителя Председателя Верховного Суда РФ – председателя судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ В. А. Давыдова // Уголовный процесс. 2025. № 2. С. 24–33. EDN: QKMDOW.

23. Юнусов А. А., Черемисина Т. В. Приостановление следствия в отношении участника СВО: вопросы практики // Уголовный процесс. 2025. № 3. С. 46–50. EDN: CMYVKY.

24. Маслов В. А. Влияние специальной военной операции на преступность в России // Lex Russica. 2025. Т. 78. № 3. С. 98–119. – DOI 10.17803/1729-5920.2025.220.3.098-119. EDN: ZHDDKY.

25. Галактионов С. А., Кулаков А. В., Афанасьевский В. Л. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу (ст. 781 УК РФ) // Вестник Самарского юридического института. Научно-практический журнал. 2024. № 5 (61). С. 14–18. – DOI 10.37523/SUI.2024.61.5.002. EDN: FKXUJT.

26. Ария С. Л. Штрафники. В кн.: Жизнь адвоката. Тула : Автограф, 2003.

27. Кибальник А. Г. "Военные" виды освобождения от уголовной ответственности и наказания: первые выводы из практики // Уголовный процесс. 2025. № 3. С. 38–45. EDN: RCJIZY.

28. Зайцев О. А., Севостьянова А. В. Актуальные проблемы развития института гражданского иска в уголовном судопроизводстве // Союз криминалистов и криминологов. 2025. № 3. С. 146–151.

29. Комлева Ю. В. "Привилегированный иск" в головном деле: основания и порядок применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при его рассмотрении // Гражданское и арбитражное судопроизводство: история и современность: Сб. материалов научно-практической конференции, посвященной выдающемуся процессуалисту М. К. Треушникову (Москва, 7 ноября 2024 г.) / науч. ред. и сост. М. В. Маматов, Е. В. Кремнева, И. А. Маслов. М. : Городец, 2025. С. 293–299.

30. Куприянов А. А. Справедливость освобождения участников СВО от возмещения ущерба потерпевшему // Уголовный процесс. 2025. № 3. С. 8. EDN: TMYAMV.

Результаты процедуры рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами [Национального Института Научного Рецензирования](#) по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего»

Тема является крайне актуальной, так как законодательство в этой области появилось недавно (Федеральные законы 270-ФЗ от 24 июня 2023 г. и последующие изменения в марте 2024 г.) и вызывает широкие дискуссии в юридическом сообществе. Автор подробно рассматривает вопрос освобождения обвиняемых участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего.

Предметом исследования является освобождение обвиняемых участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего. Ключевой тезис автора заключается в том, что, несмотря на прошлые дискуссии и существующие предложения по совершенствованию (например, изменение терминологии или введение исключительно судебного порядка), сам факт существования института прекращения уголовного дела без вынесения приговора не подвергается сомнению в современном научном сообществе.

Автор считает, что действующее законодательство (статьи 76 УК РФ, 25 УПК РФ и статья 42 УПК РФ) адекватно регулирует участие потерпевшего в процедуре прекращения уголовного дела по примирению сторон и обеспечивает его право обжаловать решения о прекращении дела. Эта часть системы признается удовлетворительной. Автор критикует текущий подход за его поспешность, подчеркивая, что механизм привлечения обвиняемых к СВО в его нынешнем виде нарушает фундаментальные принципы уголовного права и права потерпевших на доступ к правосудию и компенсацию ущерба. Актуальность темы не вызывает сомнений, поскольку затронутые нормы активно применяются на практике и вызывают широкую дискуссию в юридическом сообществе. В исследовании подчеркивается, что сложившаяся правоприменительная практика, поддержанная Верховным Судом, минимизирует дискрецию (свободу выбора решения) органов правосудия и следствия, отдавая приоритет военному интересу над процессуальными гарантиями и правами потерпевших.

Автор выражает сомнение в допустимости заключения контрактов с подозреваемыми и обвиняемыми на стадиях до вынесения приговора. Это противоречит фундаментальному конституционному принципу презумпции невиновности (ст. 49 Конституции РФ, ст. 14 УПК РФ), поскольку решения о приостановлении дела принимаются в отношении лиц, формально считающихся невиновными. Оспариваются ссылки на опыт Великой Отечественной войны для оправдания текущей практики. Автор утверждает, что во время ВОВ решения о направлении на фронт (часто в штрафные подразделения) принимались в основном в отношении уже осужденных лиц, чей статус виновных был установлен приговором суда. Также подчеркивается принципиальное правовое отличие между современной практикой (работа с предполагаемыми преступниками) и практикой военного времени (работа с уже осужденными), критикуя текущий подход как подрывающий основы правосудия и презумпцию невиновности.

Автор считает, что список исключений, предусмотренный частью 1 статьи 78¹ УК РФ, является неполным и не проработанным с криминологической точки зрения. Стоит отметить, что законодатель не принял во внимание серьезные риски для общественной безопасности и не обеспечил защиту прав потерпевших по особо тяжким преступлениям, допуская освобождение от ответственности лиц, совершивших такие деяния. Также отмечается, что, перекладывая обязанность по возмещению вреда в гражданский процесс, законодатель лишает потерпевшего эффективного и быстрого механизма восстановления его прав, гарантированного уголовно-процессуальным законодательством.

Научная новизна, основная гипотеза автора заключается в том, что отмеченные ранее правовые коллизии (в частности, дисбаланс прав потерпевших) – это следствие вынужденного и спешного внесения изменений в фундаментальные законы без предварительной и всесторонней научной проработки. Автор статьи подчеркивает, что обсуждение вопросов освобождение обвиняемых участников СВО от уголовной ответственности необходимо для совершенствования российского законодательства и обеспечения баланса между публичными интересами государства (проведение СВО) и защитой фундаментальных процессуальных прав граждан, пострадавших от преступлений.

Структура статьи логична и последовательна. Язык изложения доступен и понятен, что облегчает восприятие материала.

Список литературы обширен и разнообразен, включая в себя научные публикации процессуалистов, что подтверждает глубину исследования и высокий уровень подготовки автора.

Текст подкреплен ссылками на научные источники, что свидетельствует о его научной обоснованности и принадлежности к академическому дискурсу в области уголовного права и процесса. Однако в представленной статье выявлены существенные недочеты в оформлении и содержании ссылок на источники. Отмечается несоответствие между цитируемыми источниками в тексте и приведенным списком литературы. Так, например «По мнению авторов проблемного Курса уголовного права Российской Федерации, нравственную и криминологическую основу института освобождения от уголовной ответственности составляют возможность социального восстановления поведения уголовного правонарушителя в рамках должного правопорядка без реализации уголовной ответственности и применения мер, её выражавших [9, с. 334].» дается не верная ссылка, необходимо исправить, на «Хомич, В. М. Освобождение от уголовной ответственности как правовой институт уголовно-правового воздействия или форма реализации уголовной ответственности // Уголовно-правовое воздействие, его востребованность и реализация в механизме противодействия преступности и обеспечения национальной безопасности : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Тольятти, 25 ноября 2022 года. – Тольятти: Общество с ограниченной ответственностью "САМАРАМА", 2022. – С. 130». Рекомендуется провести тщательную сверку всех внутритекстовых ссылок с оригиналами источниками.

Основным достоинством текста является четкая и лаконичная постановка проблемы дисбаланса между публичными интересами (стимулирование участия в СВО) и частными интересами граждан, пострадавших от преступлений. Автор точно определяет уязвимое место нового законодательства: отсутствие эффективных механизмов защиты прав потерпевших в этом «особом» порядке. Фактически, право на возмещение вреда и доступ к правосудию для потерпевшего ставится в зависимость от статуса обвиняемого (участник СВО), что может нарушать принцип равенства всех перед законом и судом.

Таким образом, статья «Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего» затрагивает важную и актуальную проблему, соблюдается предмет исследования. Автор демонстрирует хорошее понимание темы и способность к системному анализу. Вместе с тем, статья требует доработки в части: доработки ссылок и литературы; углубить анализ конституционно-правовых основ защиты прав потерпевших и предложить конкретные пути решения обозначенной проблемы

Статья рекомендуется к доработке.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

Рецензия выполнена специалистами Национального Института Научного Рецензирования по заказу ООО "НБ-Медиа".

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензия на статью

«*Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего*»

Рецензируемая статья представляет собой комплексное исследование актуальных проблем, возникающих в связи с применением института освобождения обвиняемых, участвующих в специальной военной операции (далее по тексту – СВО). Исследование направлено на выявление недостатков существующей нормативно-правовой базы и формулирование предложений по ее совершенствованию.

Исходя из содержания статьи, можем предположить, что предмет исследования охватывает взаимосвязанные области уголовного права и процесса, направленные на оптимизацию механизма освобождения от уголовной ответственности обвиняемых-участников СВО и защиту законных интересов потерпевших сторон.

Актуальность исследования представлена выявленными автором проблемами и предложениями по их устранению. Так, автор исследования справедливо отмечает, что «*формируется некий новый особый порядок производства по уголовным делам, который может применяться только в военное время*».

Научная новизна статьи заключается в попытке комплексного рассмотрения взаимодействия двух институциональных элементов – освобождения обвиняемых от уголовной ответственности и прав потерпевших, а также выявления возможных путей оптимизации законодательства. Кроме того, научная новизна заключается в предложениях автора о проведении определенной модификации положений законодательства в целях обеспечения прав потерпевшего. В настоящее же время, по мнению автора настоящей статьи, необходимо вынести на широкое научно-практическое обсуждение пять основных (но не исключительно) вопросов, связанных с привлечением обвиняемых к участию в СВО. Автор убежден, что результат обсуждения этих вопросов позволит совершенствовать российское уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, обеспечить универсальность его применения без ограничения важнейших процессуальных прав потерпевших в случае введения военного положения или иного особого правового режима.

Структура статьи логична и последовательна. Язык изложения доступен и понятен, что облегчает восприятие материала. Автор справедливо разделяет текст статьи на такие разделы, как: «*Введение. Постановка проблемы*», «*Привлечение осуждённых к участию в боевых действиях на первоначальном этапе СВО*», «*Действующее правовое регулирование привлечения обвиняемых к участию в боевых действиях*», «*Правовые и возможные криминологические проблемы, связанные с реализацией действующего порядка привлечения обвиняемых к участию в СВО*», «*Выводы и предложения*». Данное разделение позволяет последовательно и структурированно рассмотреть проблему привлечения осужденных к участию в СВО; помогает читателю лучше понять правовой механизм реализации данной практики, выявить существующие проблемы и рассмотреть

пути их решения. Такая структура способствует глубокому осмыслению материала и облегчает восприятие сложной юридической тематики.

Список литературы отличается широтой и многообразием, включая значительное количество публикаций специалистов в области процессуального права, что свидетельствует о глубине исследования и высоком уровне подготовки автора. В список включены фундаментальные работы, относящиеся к заявленной теме. Всего библиографический список насчитывает более трёх десятков научных трудов, что подчёркивает основательность выполненного исследования.

Автор настоящей статьи апеллирует к трудам А.В. Ендольцевой, О.В. Химичевой, Л.В. Головко, Д.С. Гребенского и др. (например: «Как обоснованно отмечает А. Ю. Чекотков, созданием одинаковых условий для приостановления производства по делу в отношении всех желающих участвовать в СВО (обвиняемые в досудебном производстве, подсудимые, осуждённые до вступления приговора в силу) безусловно достигается цель скорейшего попадания последних в войска, «однако рациональность такого подхода вызывает сомнение, особенно если речь идет о рассмотрении дела в суде апелляционной инстанции, которое, как правило, занимает одно или два судебных заседания» [20, с. 95]», «Комментируя изложенную в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2024 г. рекомендацию профессор Л. В. Головко отмечает: «Другими словами, при поступлении ходатайства командования воинской части уголовное дело подлежат обязательному (выделено автором цитируемого текста – Л. Г.) приостановлению, иное должно расцениваться как нарушение уголовно-процессуального закона и повлечь возвращение судом уголовного дела (если оно туда передано) прокурору» [11, с. 10]. В выделении уголовного дела в отношении обвиняемого, заключившего контракт о прохождении военной службы в особые периоды, нет ничего неординарного и специфического, в таком случае должен применяться обычный, как и по другим предусмотренным законом основаниям, порядок выделения и последующего приостановления уголовного дела, когда, например, один из обвиняемых скрывается или находится за границей [17, с. 37]» и т.д.).

Выводы статьи в целом отражают содержание работы и представляют интерес для научного сообщества, преподавателей юридических вузов и практических сотрудников органов предварительного расследования. В заключении автор предлагает «вынести на широкое научно-практическое обсуждение следующие (но не исключительно) вопросы, связанные с привлечением обвиняемых к участию в СВО: 1. Допустимость применения особого порядка в отношении подозреваемых и обвиняемых, изъявивших желание принять участие в боевых действиях в составе Вооруженных Сил России, либо же такой порядок предусмотреть только для осуждённых, с возможностью применения уголовно-правового института отсрочки от исполнения наказания в случае заключения ими соответствующего контракта о прохождении военной службы. 2. Перечень преступлений, подозреваемые, обвиняемые или осуждённые за совершение которых не могут заключить соответствующий контракт с командованием воинской части и, соответственно, воспользоваться правом на особый порядок. 3. Возможный процессуальный механизм учёта мнения потерпевшего относительно применения особого порядка, необходимость извещения его о принимаемых по уголовному делу в рамках этого порядка решений и возможность их обжалования потерпевшим. 4. Целесообразность предъявления иска прокурором в интересах потерпевшего от преступления в гражданском судопроизводстве (при наличии заявления последнего), либо вступление в дело прокурора для дачи заключения по таким делам в случаях, когда обвиняемый заключил контракт для прохождения военной службы в соответствующие периоды или время, производство по уголовному делу приостановлено и, по указанной причине, совместное рассмотрение гражданского иска с уголовным

делом невозможно. 5. Необходимость создания фонда помощи потерпевшим в случаях, когда их доступ к правосудию ограничивается в публичных интересах, например, в связи с приостановлением производства по уголовному делу по инициативе государственного органа».

Таким образом, статья «Освобождение обвиняемых – участников СВО от уголовной ответственности и права потерпевшего» рассматривает важнейшую и злободневную тему, учитывая современную ситуацию. Автор показывает глубокое знание предмета и умение проводить системный анализ. В заключение обозначаются современные и важные вопросы, частично нуждающиеся в немедленном исследовании и решении в научно-практическом плане.

Статья рекомендуется к опубликованию.